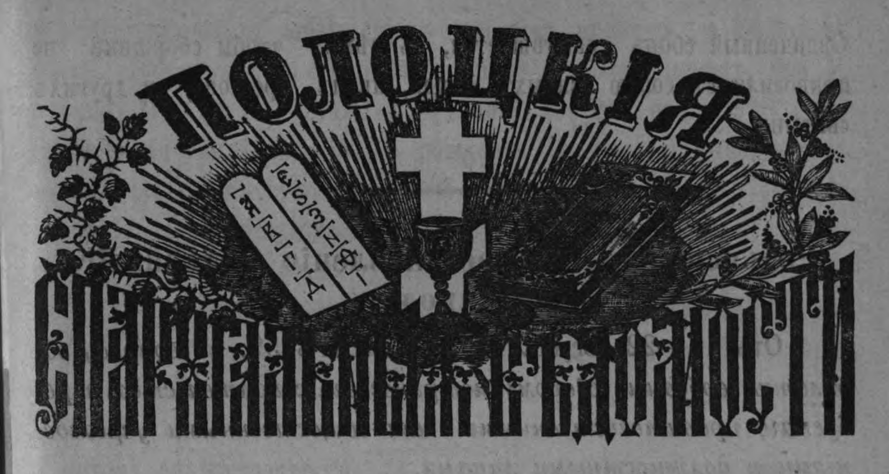

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Подписка принимается въ редакціи Вѣдомостей при духовной семинаріи въ г. Витебскѣ и у всѣхъ благочинныхъ Полоцкой епархіи.	№ 20	Цѣна за годъ пять руб., а за полгода три руб. съ пересылкой.

15 октября 1899 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 2—13 іюля 1899 года, за № 2524, въ 14-й день минувшаго августа, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе сбора пожертвованій въ предѣлахъ Россійской Имперіи, въ теченіе одного года, въ пользу монастыря святаго Іоанна Богослова, на островѣ Патмосѣ, вмѣсто Аѳонскаго Филоѳеевскаго монастыря, и на дозволеніе прибыть для сей цѣли монахамъ названной обители Агаѳангелу, Ѳеофану и Ѳеодориту

Означенный сборъ разрѣшается, съ тѣмъ, чтобы сборщики не привозили съ собою святыхъ мощей, иконъ, крестовъ и другихъ святынь.

Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода.

От 11—22 августа 1899 г., за № 3159, *по вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ метрическаго свидѣтельства, требуемаго правительственными или общественными учрежденіями и должностными лицами.*

Одна изъ городскихъ управъ обратилась въ духовную консисторію съ просьбою о доставленіи метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи секретаря управы, при чемъ препроводила одну гербовую марку 80-копеечнаго достоинства. Но консисторія, предварительно исполненія сего, потребовала присылки второй гербовой въ 80 копеекъ марки. На таковой отказъ консисторіи въ высылкѣ просимаго свидѣтельства безъ представленія второй гербовой марки управа принесла жалобу въ Святѣйшій Синодъ. Въ истребованномъ по сей жалобѣ объясненіи консисторія изложила, что домогательство управы объ освобожденіи требованія ея, какъ присутственнаго мѣста, о высылкѣ метрическаго свидѣтельства секретаря ея не подлежитъ удовлетворенію на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 12—26 іюля 1878 г., за № 1083 (см. „Церковный Вѣстникъ“ 1878 г., № 32), такъ какъ указанное лицо не обращалось въ управу съ особымъ прошеніемъ о выдачѣ ему свидѣтельства, а оно требовалось самою управою, къ дѣлу объ опредѣленіи этого лица на службу, между тѣмъ какъ, по силѣ 178 ст. уст. о сл. прав., желающій поступить на службу долженъ самъ приложить метрическое свидѣтельство съ просьбою своею о томъ, испросивъ, слѣдовательно, таковое предварительно

изъ консисторіи съ соблюденіемъ при семъ правилъ о гербовомъ сборѣ. Обсудивъ изложенное, Святѣйшій Синодъ нашелъ, что 1) въ силу 2 п. 8 ст. устава о гербовомъ сборѣ, изд. 1893 года, метрическія свидѣтельства о рожденіи и крещеніи подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ въ 80 копеекъ; 2) согласно опредѣленію Правительствующаго Сената, изложенному въ вышеозначенномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 12—26 іюля 1878 г., за № 1083, учрежденія и должностныя лица, требующія изъ духовной консисторіи метрическія свидѣтельства для частныхъ лицъ, предварительно сношенія съ консисторіею по сему предмету, должны требовать взноса гербоваго сбора за прошенія и отвѣтъ по нимъ, и потому отвѣтственность за неуплату сего сбора на прошеніе должна лежать на самихъ этихъ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, а консисторія наблюдаетъ лишь за оплатою самыхъ свидѣтельствъ; если-же они необходимы для пріобщенія къ дѣлу, то не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ, но при этомъ въ нихъ означается, что свидѣтельство выдается такому-то учрежденію или должностному лицу по такому-то дѣлу, самыя же письменныя сношенія, какъ бумаги дѣлопроизводственныя, также не оплачиваются гербовыми пошлинами, и 3) посему консисторія, получивъ отношеніе управы о присылкѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи секретаря управы, съ приложеніемъ одной гербовой марки, должна была удовлетворить означенную просьбу, не касаясь вопроса объ оплатѣ гербовымъ сборомъ прошенія о выдачѣ свидѣтельства, какъ вопроса, всецѣло лежащаго на отвѣтственности самой управы.

(„Церк. Вѣд.“ № 39).

Отъ Полоцкой духовной консисторіи.

Выраженіе благодарности епархіальнаго начальства.

Полоцкая духовная консисторія, согласно опредѣленію епархіальнаго начальства, послѣдовавшему 15 іюля—22 сентября сего года, сообщаетъ о выраженіи епархіальнымъ начальствомъ благодарности священнику Тіостовской, Городокскаго уѣзда, церкви Василію Барщевскому за неусыпныя заботы его о благоустройствѣ своего приходскаго храма, и прихожанамъ—за пожертвованія для онаго.

Полоцкая духовная консисторія, согласно опредѣленію епархіальнаго начальства, послѣдовавшему 1—22 сентября сего года, сообщаетъ о выраженіи епархіальнымъ начальствомъ благодарности прихожанамъ Вяжищской, Лепельскаго уѣзда, церкви, помѣщицѣ имѣнія Вяжища, Лепельскаго уѣзда, Надеждѣ Трей и вдовѣ московскаго купца Бѣлкиной за пожертвованія на устройство иконостаса въ Вяжищской, Лепельскаго уѣзда, церкви—первыми 400 руб., второю 300 руб. и послѣднею 100 руб.

О пожертвованіяхъ на церковь, устроенную въ „Мажайщинѣ“, Полоцкаго уѣзда.

Во вновь устроенную въ мѣстности Мажайщина, Полоцкаго уѣзда, во имя св. Маріи Магдалины церковь, по старанію священника Дубровской церкви Евгенія Троицкаго, поступили слѣдующія пожертвованія: а) отъ владѣльца имѣнія Милино-Рудни Аркадія Иванова Осьминина и жены его Маріи Михайловой— 1) три колокола: 1-й—вѣсомъ въ 4 пуд. 20 фун., 2-й—2 п. 2 ф. и 3-й—37 ф., стоимостью 141 руб. 65 коп.; 2) иконы архистратига Михаила въ серебряной, вызолоченной ризѣ, въ

кіотѣ за стекломъ, цѣною въ 150 руб. и св. Тихона, апостоловъ Петра и Павла, писанныя на холстѣ, въ рамахъ, въ 50 руб.; 3) парчевыя облаченія на престолъ и жертвенникъ, два полныхъ облаченія для священника, изъ нихъ одно траурное бархатное, а другое парчевое и шелковая завѣса къ царскимъ вратамъ, въ 165 руб. 87 коп.; 4) напрестольное евангеліе съ посеребряной накладкой, бронзовые вызолоченные чаша, дискосъ, звѣздица, копіе и лжица, шерстяная завѣса къ царскимъ вратамъ, вѣнцы, серебряный напрестольный крестъ, блюдо для освященія хлѣбовъ и большой ковровый платокъ на престолъ, на сумму 115 руб. 23 коп.; 5) двѣ хоругви краснаго сукна, бронзовая позолоченная дарохранительница и 4 лампадки, стоимостью 40 руб. 50 коп.; 6) два ковра къ престолу и жертвеннику, стоимостью 55 руб.; 7) паникадило въ два яруса и два подсвѣчника къ мѣстнымъ иконамъ въ 64 р., и 8) имъ же при постройкѣ церкви отпущено лѣса на 208 руб. б) Отъ крестьянъ Полоцкаго уѣзда, Бононской волости, деревни Заболотья, Михаила Яковлева и Карпа Яковлева Королевыхъ—семисвѣчникъ, евангеліе въ бронзовомъ переплетѣ, серебряный, напрестольный вызолоченный крестъ, цѣною въ 96 руб. 4 коп., и в) отъ Полоцкаго купца Дениса Даніилова Авдусина—икона Воскресенія Христова, писанная на холстѣ, въ багетной рамѣ, цѣною въ 75 руб. Жертвователямъ за пожертвованія ихъ, а равно священнику Евгенію Троицкому за успѣшное приглашеніе къ значительному пожертвованію выражена благодарность епархіальнаго начальства.

Объ увольньніи за штатъ.

Резолюціею Его Преосвященства, 27 сентября сего года последовавшею, псаломщикъ Долосчанской церкви, Себежскаго уѣзда, Иванъ Капутовскій, согласно его прошенію, уволенъ отъ занимаемой должности за штатъ.

О смерти псаломщика.

Псаломщикъ Коротаевской церкви, Невельскаго уѣзда, Іоаннъ Короткевичъ 30 августа сего года умеръ.

Отъ правленія Витебскаго мужского духовнаго училища.

ЖУРНАЛЪ № 16.

1899 года, мѣсяца августа 31 дня, нижеподписавшіеся члены правленія Витебскаго духовнаго училища, прибывъ въ засѣданіе въ 11 час. утра,

Слушали: Ст. 3. Въ этомъ засѣданіи обсуждали наблюденія гг. и оо. членовъ правленія и гг. преподавателей, вынесенныя ими изъ отвѣтовъ вновь поступавшихъ въ училище дѣтей, при чемъ выяснились слѣдующіе существенные пробѣлы подготовки дѣтей для поступленія въ I классъ училища:

а) по Закону Божію—часто полное неумѣнье переводить и объяснять начальныя молитвы, а иногда даже нетвердое усвоеніе текста этихъ молитвъ;

б) по русскому языку—совершенно безграмотное письмо подъ диктовку, главнымъ образомъ неумѣнье согласовывать прилагательныя въ именительномъ падежѣ множ. числа (напр., высокіе горы), и неумѣнье пересказывать прочитанное;

в) по славянскому языку—чтеніе безъ соблюденія удареній и незнаніе значенія самыхъ употребительныхъ словъ: иже, абіе, сице, паче, паки, аще, зѣло и под.;

г) по ариѳметикѣ—крайняя слабость въ умственномъ производствѣ дѣйствій (особенно дѣленія) надъ числами въ предѣлахъ первой сотни, почти поголовное неумѣнье различать увели-

ченіе и уменьшеніе „на сколько-нибудь единицъ“ и „во сколько-нибудь разъ“.

Справка. Правленіе училища считаетъ необходимымъ, въ интересахъ училища и будущихъ учениковъ ея, пропечатать указанные недостатки домашней подготовки дѣтей въ „Полоцкихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, чтобы заблаговременно указать родителямъ, на что нужно обратить вниманіе при подготовкѣ дѣтей въ училище.

Постановили: Копію настоящей статьи журнала напечатать въ „Полоцкихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“.

Ст. 4. Заявленіе г. смотрителя училища Владимира Тычинина о томъ, что нѣкоторые родители, при опредѣленіи своихъ дѣтей въ училище, совершенно не желаютъ считаться съ законными требованіями школы: а) вопреки ежегодной публикаціи о предѣльномъ возрастѣ дѣтей для поступленія въ училище, представляютъ на экзаменъ великовозрастныхъ и настаиваютъ на ихъ допущеніи къ экзамену, а иногда не представляютъ никакихъ докуметовъ; б) предъ опредѣленіемъ дѣтей въ училище не освѣдомляются объ ихъ здоровьѣ, привозятъ, напр., зараженныхъ трахомой; когда училищный врачъ констатируетъ заразительную болѣзнь, препятствующую пріему ребенка въ училище, родители увѣряютъ, что никакой болѣзни нѣтъ, и настаиваютъ на пріемѣ сына; в) иной мальчикъ оказывается по экзамену совершенно неподготовленнымъ ни изъ одного предмета, все-таки родители неотступно настаиваютъ принять его въ училище, чѣмъ лишаютъ правленіе необходимаго безпристрастія и спокойнаго отношенія къ рѣшенію вопроса о пріемѣ дѣтей въ училище.

Я предложилъ бы правленію просить разрѣшенія Его Преосвященства опубликовать настоящее мое заявленіе къ свѣдѣнію родителей, дабы предупредить крайне нежелательныя недоразумѣнія.

Справка 1. §§ 73 и 74 уст. дух. учил. разрѣшаютъ учи-

лищнымъ правленіямъ принимать въ I кл. дѣтей только до 12½ лѣтъ (къ 15 августа); рѣшеніе же вопроса о допущеніи въ I кл. училища дѣтей старше 12½ лѣтъ Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ своимъ, отъ 3—23 августа 1891 г. за № 2080, постановилъ предоставить непосредственному усмотрѣнію епархіальныхъ преосвященныхъ.

Справка 2. Дѣти съ заразительными болѣзнями не могутъ допускаться въ училище, такъ какъ въ общежитіяхъ невозможна полная изоляція однихъ учениковъ отъ другихъ и необычайно затруднительна борьба съ заразными болѣзнями.

Справка 3. И уставъ дух. училищъ, и чувство справедливости, и интересы правильнаго теченія учебной жизни школы даютъ полное основаніе, при пріемѣ дѣтей въ училище, ограничивать поступленіе очень плохо подготовленныхъ.

Резолюція Его Преосвященства на семъ журналѣ таковая: „1899 г., сентября 26. Къ исполненію“.

От душеприказчика почившаго преосвященнаго Александра —помощника смотрителя училища И. И. Павлова училищнымъ правленіемъ получена для „Общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ Витебскаго мужского духовнаго училища государственная 4% рента за № 0603 въ 500 руб. и записана на приходъ въ приходо-расходную книгу общества подъ № 33. Г. Павлову, согласно журнальному постановленію училищнаго правленія, отъ 29 сентября 1899 г., № 36, ст. 1, утвержденному 3 сего октября Его Преосвященствомъ, объявлена признательность отъ правленія.

Училищный врачъ, докторъ медицины С. В. Виноградскій пожертвовалъ въ училищную церковь три перемѣны священниче-

скихъ и діаконскихъ облаченій. Жертвователю, согласно журнальному постановленію правленія, отъ 4 октября 1899 г., за № 37, утвержденному 6 октября сего года Его Преосвященствомъ, объявлена благодарность.

Въ настоящее время состоитъ вакантнымъ мѣсто надзирателя за учениками училища. Лица, желающія занять это мѣсто, подаютъ прошенія (лично или почтой) на имя г. смотрителя училища, съ обозначеніемъ года окончанія семинарскаго курса, съ указаніемъ настоящей должности (если проситель имѣетъ таковую) и съ прописаніемъ своего адреса.

Правленіе училища покорнѣйше проситъ поспѣшить взносомъ денегъ за текущее время: 1) оо. благочинныхъ епархіи—свѣчной прибыли; 2) оо. благочинныхъ училищнаго округа—%% отъ церковныхъ и причтовыхъ доходовъ; 3) родителей, родственниковъ и опекуновъ учениковъ училища—денегъ за содержаніе, помѣщеніе и право обученія этихъ учениковъ, состоящихъ пансіонерами въ училищномъ общежитіи.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Историческая достовѣрность книги Есфирь.

I.

Книга Есфирь всегда высоко цѣнилась евреями, которые ставили ее въ одномъ ряду съ Пятокнижіемъ Моисея, слѣдовательно, выше пророческихъ книгъ и агіографовъ. Вполнѣ естественно, что народу, столь стѣсненному въ своей политической жизни, столь часто подвергавшемуся преслѣдованіямъ и гоненіямъ, было особенно дорого священное повѣствованіе о спасеніи его предковъ отъ враговъ, во времена Есфири и Мардохея.

Въ христіанской церкви, впрочемъ, авторитетъ этой книги устанавливался постепенно. Въ канонѣ Оригена Есфирь помѣщена послѣдней, у св. Аѳанасія Александрійскаго она причислена къ разряду „анагноскомена", св. Григорій Назіанзенъ и Амфилохій Иконійскій замѣчаютъ о ней, что она „принимается нѣкоторыми". Принятіе книги Есфирь въ канонъ церкви основывалось, во-первыхъ, на уваженіи отцовъ церкви къ преданію церкви ветхозавѣтной, во-вторыхъ, на типическомъ толкованіи ея, согласно которому освобожденіе Есфирью евреевъ отъ Амана предызобразило собою спасеніе церковью людей отъ нечестія [1]).

Въ западной богословской литературѣ отрицательнаго направленія не было недостатка въ рѣзкихъ отзывахъ о книгѣ Есфирь. На языкъ книги указывали, какъ на доказательство ея происхожденія въ позднѣйшее время; въ изображеніи персидской жизни

---

1) Таковъ былъ, напр., взглядъ блаж. Іеронима, которому принадлежитъ слѣдующій отзывъ о книгѣ: „Esther in Ecclesiae typo populum liberat de periculo, et interfecto Aman, qui interpretatur iniquitas, partes convivii et diem celebrem mittit in posteros" (См. Hieron Epistola LIII ad Paulinum § 8; editio Migne).

и обычаевъ находили немало историческихъ невѣроятностей и даже ошибокъ. Самую хронологію признали крайне запутанной, содержаніе—лишеннымъ признаковъ исторической композиціи, а самую книгу—простымъ патріотическимъ романомъ, имѣвшимъ цѣлію показать, какъ бы іудеи желали избавиться отъ своихъ враговъ [2]).

Замѣчательно, что, когда составлялись подобныя сужденія, историческая наука собственно весьма мало знала о жизни и обычаяхъ древней Персіи, не говоря уже о ея языкѣ. Но, какъ только археологическія изысканія нѣсколько приподняли завѣсу, скрывавшую отъ взоровъ ученыхъ настоящую Персію, и наука дѣйствительно ознакомилась съ персидскимъ языкомъ временъ Ахасѳера, Есфири и Амана, сужденія о книгѣ рѣшительно измѣнились. Теперь съ полнымъ правомъ можно сказать, что, по мѣрѣ изученія цивилизаціи древней Персіи, всѣ возраженія противъ книги Есфирь разсѣиваются, подобно утреннему туману.

Языкъ книги Есфирь теперь признанъ не позднѣйшимъ и испорченнымъ, но, наоборотъ, „болѣе превосходнымъ, чѣмъ языкъ хроникъ и болѣе соотвѣтственнымъ образцамъ древле-историческихъ книгъ“ [3]). Въ самомъ писателѣ книги Есфирь находятъ несомнѣнное и основательное знакомство съ обычаями и учрежденіями древней Персіи; никакихъ анахронизмовъ въ его описаніи нѣтъ, а характеръ Ксеркса, нарисованный имъ, вполнѣ согласенъ съ исторіей [4]). Самая книга, какъ совершенно историческая, вполнѣ справедливо должна занять почетное мѣсто при книгѣ подобнаго же содержанія, такъ какъ „содержитъ въ себѣ вполнѣ правдивыя

---

2) Таковы—сужденія де-Ветте, Паркера и др.

3) Такъ говоритъ англійскій полковникъ Driver, см. его Introduction to the Old Testament. pag. 455.

4) Ibidem. Introduction, pag. 453.

изображенія персидскаго двора“ [5]). Особенно выразительный отзывъ о книгѣ даетъ извѣстный ученый, глубокій знатокъ Востока, Ленорманъ. „Мы находимъ въ книгѣ“, говоритъ онъ, „весьма живыя картины двора персидскихъ царей, которыя лучше, чѣмъ нѣкоторыя, содержащіяся у классическихъ писателей, даютъ намъ возможность судить о внутренней жизни и потребностяхъ въ устройствѣ центральнаго управленія, установленнаго Даріемъ“ [6]). Можно сказать даже, что ни одна библейская книга не получила столько разъясненій изъ свѣтскихъ источниковъ, какъ книга Есфирь. Самыя клинообразныя надписи доставили достаточную долю доказательствъ въ пользу исторической достовѣрности книги Есфирь.

Прежде подвергали сомнѣнію самый характеръ персидскаго царя Ахасфера, представляющій будто-бы такую смѣсь безумной гордости и необузданнаго каприза, каковая едва-ли могла обитать въ человѣческомъ сердцѣ. Для разсѣянія подобнаго сомнѣнія, нужно рѣшить, кто изъ персидскихъ царей названъ въ Библіи Ахасѳеромъ, и могъ ли подобный характеръ образоваться среди дворцовыхъ нравовъ передней Азіи? Среди толковниковъ книги Есфирь не было единодушія во взглядахъ на личность библейскаго Ахасѳера. Одни считали его Астіагомъ, другіе—Даріемъ Мидяниномъ, иные указывали на Камбиза, сына Кира и пр. Въ новѣйшее время стали отождествлять Ахасѳера съ Ксерксомъ, и эта догадка оказалась наиболѣе удачною. Ахасѳръ книги Есфирь, вѣроятнѣе всего, былъ Ксерксъ, т. е. тотъ самый персидскій царь, имя котораго было первымъ словомъ древне-персидскаго языка, прочитаннымъ Гротефендомъ въ 1802 году. Греческое имя Ксерксъ передано въ еврейской библіи чрезъ Akhashverosh или

---

5) Такъ выражается Heeren въ Historical Researches. Asiatic Nations. Vol. I, pag. 53.

6) См. его Ancienne histoire de l'Orient. Vol. II, p. 113.

Ахасѳеръ; но инициалъ А не долженъ возбуждать недоумѣнія, такъ какъ, хотя онъ и не встрѣчается въ памятникахъ Персіи, зато постоянно—въ торговыхъ таблицахъ Ассиро-Вавилоніи.

Для того, чтобы судить, насколько нарисованный въ Библіи типъ персидскаго деспота относится къ области исторіи, а не простой фантазіи писателя, достаточно сравнить разсказы библейскаго автора объ Ахасѳерѣ съ разсказами Геродота о Ксерксѣ. Когда Ксерксъ выступилъ въ походъ противъ грековъ, то, чтобы избавиться отъ труда плыть вокругъ извилистыхъ береговъ горы Аѳона, онъ рѣшилъ сдѣлать ее островомъ, отдѣливъ ее каналомъ отъ материка. „Насколько я могу догадываться“, говоритъ Геродотъ, „Ксерксъ приказалъ рыть этотъ каналъ изъ-за высокомѣрія, желая показать свое могущество и оставить послѣ себя памятникъ“ [7]). Въ подобныхъ причудахъ въ періодъ греко-персидской войны не было недостатка. Такъ, встрѣтивъ по дорогѣ въ Сарды, чрезъ Лидію, великолѣпное платановое дерево, царь Ксерксъ, восхищенный его красотою, приказалъ отдѣлать его золотомъ и поручить на вѣчныя времена на храненіе особому чиновнику [8]). Когда, при переправѣ чрезъ Геллеспонтъ, буря разбила мостъ изъ судовъ, Ксерксъ пришелъ въ такую ярость, что приказалъ наказать Геллеспонтъ тремястами ударовъ плетьми и затѣмъ обезглавить начальниковъ надъ переправой [9]). При поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Греціи, послѣ саламинскаго пораженія, корабль, на которомъ плылъ Ксерксъ, былъ застигнутъ сильнымъ штормомъ. Когда кормчій для спасенія царя предложилъ ему избавиться отъ большей части его свиты, то сами персы, въ порывѣ самоотверженнаго патріотизма, побросались въ бушующее море, а самый

---

7) Herodoti. Historiae Liber VII, cap. 24 (по стереотипному изданію Car. Abichta).

8) Histor. Herod. Lib. VII, cap. 31.

9) Ibidem. Lib. VIII, cap. 35.

корабль, значительно облегченный, благополучно достигъ Азіи. Что же сдѣлалъ Ксерксъ съ кормчимъ? За спасеніе жизни царя Персіи, онъ наградилъ его золотымъ вѣнкомъ, а за совѣтъ, погубившій царскую свиту, приказалъ отрубить ему голову [10]).

Событія, описываемыя Геродотомъ и библейскимъ авторомъ, были различны, но характеры ихъ дѣятелей сходны. Легко замѣтить, что преобладающими чертами въ характерѣ Ксеркса, по описанію Геродота, были жажда славы и болѣзненная раздражительность, переходившая нерѣдко въ бурные взрывы гнѣва и каприза. Тѣ же черты мы находимъ въ библейскомъ Ахасѳерѣ: онъ устрояетъ пиръ для персидской аристократіи именно изъ тщеславія—съ цѣлію показать „богатство царства своего и отличный блескъ величія своего“ (Есф. I, 4). Когда гордая царица Астинь отказалась явиться на царскій пиръ, чтобы послужить украшеніемъ его, то гнѣвъ царя не зналъ границъ. „Царь разгнѣвался сильно, ярость его загорѣлась въ немъ“ (Есф. I, 13). Подобный же примѣръ быстрыхъ переходовъ отъ одного настроенія къ другому представляетъ опала Амана, всѣ заслуги котораго были забыты, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія царя. Замѣчательно, что даже возвращеніе платы, предложенной Аманомъ за жизнь іудеевъ, точно такъ же, какъ и опала его, имѣютъ параллель въ исторіи Геродота. Когда Ксерксъ находился во Фригіи, на пути въ Грецію, то одинъ богачъ Пиѳій предоставилъ въ распоряженіе царя все свое громадное состояніе на военныя издержки. Ксерксъ, хотя былъ глубоко обрадованъ щедростью и патріотизмомъ жертвователя, однако, возвратилъ ему деньги обратно. Немного времени спустя, тотъ же Пиѳій просилъ царя освободить отъ военной службы старшаго сына, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Ксеркса, который приказалъ схватить его сына, разсѣчь пополамъ и бро-

---

10) Ibidem. Lib. VIII, cap. 118.

сить по обѣимъ сторонамъ дороги, гдѣ шли войска [11]). Приведенныя нами сравненія между Геродотомъ и Библіей достаточно показываютъ, насколько согласна съ исторіей библейская характеристика персидскаго царя въ лицѣ Ахасѳера.

II.

Книга Есфирь открывается разсказомъ о большомъ празднествѣ Ахасѳера въ городѣ Сузахъ. „Въ третій годъ своего царствованія царь сдѣлалъ пиръ для всѣхъ князей своихъ и для служащихъ при немъ, для главныхъ начальниковъ войска персидскаго и мидійскаго и для правителей областей своихъ, показывая великое богатство царства своего и отличный блескъ величія своего въ теченіе многихъ дней, ста восьмидесяти дней. По окончаніи сихъ дней, сдѣлалъ царь для народа своего, находившагося въ престольномъ городѣ Сузахъ, отъ большого до малаго, пиръ семидневный на садовомъ дворѣ дома царскаго“ (Есф. I, 2—5). Согласны ли подобныя собранія съ обычаями древней Персіи и могли ли вообще быть столь продолжительныя празднества? Отвѣты должны быть, несомнѣнно, утвердительные. Геродотъ оставилъ въ своей исторіи описаніе одного изъ подобныхъ собраній, бывшаго въ началѣ греко-персидской войны. „Когда Ксерксъ, послѣ завоеванія Египта, пожелалъ взяться за походъ противъ Аѳинъ, то онъ приказалъ созвать знатнѣйшихъ персовъ на совѣтъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе и самому при всѣхъ возвѣстить свою волю“ [12]). По свидѣтельству Ленормана, подобныя торжественныя собранія персидскихъ вельможъ были совершенно согласны съ обычаями этого народа. „Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда предполагалось совершить большой походъ и призвать къ оружію привилегированное племя персовъ для какой-либо отдаленной

---

11) Hist. Herod. Lib. VII, cap. 27—29; Liber VII, cap. 38—39.

12) Herod. hist. Liber VII. cap. 8.

войны, собиралось собраніе, послѣдній остатокъ свободно-совѣщательныхъ учрежденій государства. Собраніе состояло изъ сатраповъ, начальниковъ крѣпостей, главныхъ офицеровъ государства и главъ военной персидской аристократіи, т. е. племени Пасаргадовъ. Тотъ, чье мнѣніе признавалось этими главами пригоднымъ для успѣха предпріятія, немедленно излагалъ его по порядку, съ цѣлію правдиваго обсужденія“ [13]).

Самый характеръ празднества Ахасѳера, напоминающій будто-бы „вакханальную пирушку“, возбуждалъ недоумѣнія. Но исторія Геродота вполнѣ подтверждаетъ его историческую возможность и достовѣрность. У персовъ былъ именно обычай совѣщаться о важнѣйшихъ дѣлахъ за пирушками, которыя сопровождались обильнымъ употребленіемъ вина. Всѣ рѣшенія, принятыя въ это время, вновь обсуждались персами въ трезвомъ видѣ. Если о чемъ-либо персы предварительно совѣщались, когда были трезвы, то они снова подвергали обсужденію на пирушкахъ [14]).

Таковы были именно обычаи персидскаго народа, соблюдавшіеся, конечно, какъ показываетъ скульптура, употребленіе вина, дѣйствительно, занимало весьма видное мѣсто. Для доказательства можно также указать на прекрасное описаніе пировъ персидскаго двора, сохранившееся у древняго писателя Гераклида [15]). На нѣкоторыхъ изъ празднествъ персидскихъ царей присутствовало до пятнадцати тысячъ приглашенныхъ гостей, а издержки на столъ простирались до четырехъ сотенъ талантовъ. Одни изъ гостей сидѣли отдѣльно отъ царя, другіе—вмѣстѣ съ царемъ, хотя не за однимъ и тѣмъ же столомъ, а за другимъ, поблизости цар-

---

13) Anicienne histoire de l' Orient. Vol, II, p. 113.

14) Herod. hist. Lib. I, cap. 133.

15) Этотъ разсказъ изложенъ въ сочиненіи Evetts. New. Light on the Bible, pag. 252.

скаго трона. Въ особо торжественныхъ случаяхъ избранные гости пировали въ одномъ и томъ же помѣщеніи съ царемъ. Когда царь устраивалъ пирушку (а онъ дѣлалъ это часто), то обыкновенно къ ней приглашались нарочито избранные двѣнадцать веселыхъ компаньоновъ царя. Когда гости оканчивали свой столъ, царь, сидѣвшій отдѣльно, приглашалъ чрезъ евнуховъ своихъ компаньоновъ, которые тогда „начинали пить вмѣстѣ съ царемъ, хотя не то же самое вино“, и притомъ такъ, что гости сидѣли на полу, а самъ царь полулежалъ на богатомъ ложѣ, съ золотыми ножками и пр. Изъ этого описанія видно, что богатые и продолжительные пиры были вполнѣ въ обычаѣ персидскаго двора, такъ что въ библейскихъ картинахъ книги Есфирь никакихъ преувеличеній нѣтъ и быть не можетъ.

Самая продолжительность праздника (180 дней) считалась исторически невѣроятной на томъ основаніи, что знатные персидскіе гости царя Ахасфера должны были нѣсколько поспѣшить, чтобы успѣть во-время возвратиться въ свои отдаленныя жилища. На это нужно замѣтить, что въ то время, конечно, были сдѣланы обширныя распоряженія касательно собранія такого множества именитыхъ гостей, какъ равно и продовольствія ихъ въ различныхъ мѣстахъ по дорогѣ. Кромѣ того, не въ обычаѣ персидскаго двора было сожалѣть о гостепріимствѣ, что мы видимъ даже при уменьшенномъ блескѣ послѣдующихъ династій. Замѣчательно, что даже въ царствованіе персидскаго шаха Аббаса были пиры, описанные очевидцами въ чертахъ, которыя совершенно напоминаютъ сцены изъ книги Есфирь. Одно изъ такихъ празднествъ шаха Аббаса продолжалось тридцать дней и было устроено въ огромномъ саду, болѣе, чѣмъ на двѣ мили въ окружности. Подъ палатками, разбросанными между потоками струящейся воды, каждый гость располагался по своему чину, обильно запасаясь мясомъ, фруктами и виномъ, „выпивалъ, сколько пожелаетъ, кто изобильно,

кто умѣренно, безъ стѣсненія" [16]). Если припомнимъ, что древніе персидскіе цари обладали колоссальными богатствами, а Ахасѳеръ умышленно хотѣлъ показать его предъ знатными персами, то нисколько не будетъ удивительно, что пиръ царя Ахасѳера могъ продолжиться цѣлыхъ сто восемьдесятъ дней.

Точность библейскаго разсказа замѣтна даже въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Авторъ книги Есфирь, напр., замѣчаетъ что „вина *царскаго* было множество по богатству царя" (Есф. I, 8). Здѣсь упоминается объ особенномъ винѣ для царскаго стола, а это вполнѣ согласуется съ разсказомъ Гераклида, что веселые компаньоны царя, хотя пили вмѣстѣ съ нимъ, но „не одно и то же вино". „Питье шло чинно, никто не принуждалъ, потому что царь далъ такое приказаніе всѣмъ управляющимъ въ домѣ его, чтобы дѣлали по волѣ каждаго" (Есф. I, 8). Совершенно такой же законъ гостепріимства соблюдался на пирахъ персидскаго шаха: гости „пили сколько хотѣли, одни—изобильно, другіе—умѣренно, безъ принужденія.

III.

Во второй главѣ (II, 16) книги Есфирь авторъ разсказываетъ, что только въ десятый мѣсяцъ Тебеѳъ седьмого года царствованія Ахасѳера Есфирь была взята въ царскій домъ, т. е. была облечена почестями отверженной Астини. Нужно припомнить, что Астинь подверглась опалѣ въ третій годъ правленія Ахасѳера (I, 3). Почему же допущенъ такой продолжительный, а именно четырехлѣтній промежутокъ между низверженіемъ съ трона опальной царицы и избраніемъ Есфири? Прежде отрицательная критика помѣщала эти двѣ хронологическія даты въ передній рядъ „историческихъ невѣроятностей". Однако, недоумѣніе

---

16) Этотъ разсказъ переданъ со словъ очевидца въ книгѣ „New Light on the Bible", pag. 253 by Evetts.

это довольно легко разрѣшается съ точки зрѣнія предположенія о томъ, что Ахасѳеръ и Ксерксъ—собственно одно и то же лицо. Въ самомъ дѣлѣ, Геродотъ сообщаетъ, что Ксерксъ, послѣ покоренія мятежнаго Египта, оконченнаго въ третій годъ его правленія, предпринялъ памятный для него походъ противъ грековъ [17]). Отъ начала этого похода до бѣгства Ксеркса, послѣ саламинскаго пораженія прошло не менѣе трехъ лѣтъ, и, слѣдовательно, царь не могъ возвратиться въ Сузы ранѣе седьмого года своего царствованія.

Немало недоумѣній возбуждали картины строгаго этикета и формализма, которые, по описанію библейскаго автора, господствовали при дворѣ персидскихъ царей. Описаніе Ахасѳера, сидящаго на тронѣ въ такое время, когда никому не давалась аудіенція (V, 1) и выставленіе напоказъ царской пышности, когда къ этому не было никакого повода, было признано несообразнымъ. Невѣроятнымъ считали, чтобы даже царица должна была являться для бесѣды съ своимъ супругомъ не иначе, какъ съ рискомъ для собственной жизни (V, 1). Несогласно съ персидскими обычаями будто-бы даже то, чтобы царь постоянно дотрогивался золотымъ скипетромъ до всякаго, желавшаго представиться ему, когда онъ и безъ этого призыва могъ позволить говорить съ собою [18]).

Въ основѣ подобныхъ сужденій лежитъ ложная и безотчетная мысль, будто привычки средняго класса европейскаго общества могутъ служить мѣркою для оцѣнки церемоній великолѣпнаго и пышнаго двора персидскихъ царей. Церемоніи персидскаго двора въ дни Ксеркса, дѣйствительно были настолько строги, что съ ними едва-ли могли итти въ сравненіе даже церемоніи испанскаго двора въ средніе вѣка. Въ монументахъ Персеполиса персидскій царь всегда представляется держащимъ въ своихъ рукахъ длинный жезлъ съ золотымъ наконечникомъ. Очевидно, это былъ

17) Herod. histor. Lib. VII, cap. 7—8.

18) См. объ этомъ Davidson. Introduction to the Old Testament. Vol. II, p. 161.

именно символъ верховной власти царя, который ни на одно мгновеніе не дозволялъ забывать о ней подданнымъ.

Недоумѣніе касательно сидѣнія на тронѣ Ахасѳера, когда никому не давалась аудіенція, устраняется слѣдующимъ соображеніемъ. Времена царскихъ пріемовъ были вполнѣ извѣстны, конечно, придворнымъ лицамъ, а потому Есфирь, безъ сомнѣнія, искала встрѣчи съ царемъ въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ. Исторія Геродота и здѣсь цаетъ весьма важное подтвержденіе библейской картины. Однажды, разсказываетъ Геродотъ, Ксерксъ увидѣлъ во снѣ великаго и стройнаго мужа, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ призраковъ великановъ, которыхъ описываетъ Гомеръ. Такъ какъ видѣніе повторилось нѣсколько разъ и сильно напугало Ксеркса, то царь захотѣлъ узнать, явится ли призракъ другому, кто займетъ его мѣсто. Тогда онъ приказываетъ своему приближенному Артабану надѣть царскую одежду, затѣмъ сѣсть на царскій тронъ и лечь на его постель [19]). Хотя Артабанъ и возражалъ, что онъ недостоинъ чести сидѣть на царскомъ тронѣ, однако былъ вынужденъ исполнить волю своего повелителя [20]). Изъ этого разсказа видно, что сидѣніе на царскомъ тронѣ было такою же привычкою царской жизни, какъ ношеніе царской мантіи и занятіе царскаго ложа. Что сидѣніе на царскомъ тронѣ, по обычаямъ Востока, имѣло существенное значеніе для того, кто присвоилъ себѣ царское достоинство, это подтверждаетъ слѣдующій разсказъ греческихъ историковъ. Когда Александръ Македонскій взялъ Сузы, то немедленно возсѣлъ на древнемъ тронѣ персидскаго царя. Къ сожалѣнію, тронъ Дарія оказался слишкомъ высокимъ для Александра, такъ что ноги царя не доставали до подножія трона. Одинъ изъ слугъ вынесъ столикъ Дарія и помѣстилъ его подъ ноги Александру. Въ это время одинъ изъ царскихъ евну-

---

19) Herodot. histor. Lib. VII, 15.
20) Ibidem. Liber VII, cap. 16.

ховъ, размышляя о перемѣнѣ счастья, горько заплакалъ. Александръ спросилъ его, какое зло онъ причинилъ ему. „Теперь я—твой слуга“, отвѣчалъ евнухъ, „а прежде былъ слугою Дарія. Такъ какъ—мой долгъ любить господина, то я весьма огорченъ, видя, что та часть домашней утвари, которая служила для почетнаго употребленія, теперь обезчещена“. Подобнымъ образомъ, тотчасъ, по овладѣніи Персеполисомъ, Александръ возсѣлъ на царскомъ тронѣ мѣстнаго дворца [21]).

Уставъ персидскихъ дворцовыхъ церемоній былъ введенъ, вѣроятно, еще Киромъ и строго, во всѣхъ мелочахъ, соблюдался при его преемникахъ, которые видѣли въ этомъ необходимое выраженіе своего могущества. На монументахъ Персеполиса персидскій царь обыкновенно изображается въ великолѣпномъ костюмѣ, дающимъ аудіенцію посланникамъ. Онъ сидитъ на тронѣ, съ золотымъ подножіемъ; въ правой рукѣ у него золотой скипетръ, въ лѣвой—священная ваза, или кубокъ, символъ поклонника Ормузда. Тѣлохранители и послы стоятъ въ почтительномъ отдаленіи отъ царя „съ руками на устахъ, чтобы не оскорбить царское величество“. Каждая подробность говоритъ о пышности и великолѣпіи. Строгость дворцовыхъ церемоній была именно чертою тогдашней эпохи. По описанію Ленормана, дворецъ персидскихъ царей былъ недоступенъ для большинства. Строгій этикетъ охранялъ всѣ доступы къ царю. Министры и придворные, исполнявшіе различныя обязанности во внутренней части двора, размѣщались, по ихъ рангамъ, во внѣшнемъ дворѣ. Число лицъ царской свиты и распорядителей церемоній было весьма велико. Такъ какъ къ нимъ нужно было обращаться, чтобы получить доступъ во дворецъ, то нѣкоторые изъ нихъ назывались „очами и ушами“

---

21) См. этотъ разсказъ въ книгѣ „New Light on the Bible“, pag. 254 Mr. Evetts.

царя. Тотъ, кто входилъ къ царю безъ разрѣшенія, подлежалъ смертной казни [22]).

Въ книгѣ Есфирь дворцовыя церемоніи персовъ изображены совершенно точно даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Авторъ, напр., различаетъ придворныхъ, которые стояли „у царскихъ воротъ", отъ тѣхъ, которые „находились во внутреннемъ дворѣ царскаго дома" (Есф. III, 2—3; V, 1; IV, 2—6 и др.). Въ скульптурѣ Персеполиса, дѣйствительно, сохранились изображенія портика дворца, въ которомъ стоятъ большія группы придворныхъ лицъ. Величіе царя, по представленію персовъ, и выражалось именно въ томъ, чтобы толпы придворныхъ во всякое время находились какъ предъ воротами дворца, такъ въ самомъ дворѣ и переднихъ комнатахъ дворца.

То фатальное значеніе, которое книга Есфирь придаетъ немилости, или опалѣ персидскаго царя, есть также черта, прямо взятая изъ дѣйствительной жизни. При персидскомъ дворѣ господствовалъ полнѣйшій терроръ. „Малѣйшее неповиновеніе со стороны придворныхъ почиталось уже возмущеніемъ и вело къ смерти преступниковъ" [23]). Непредвидѣнныя опасности бросали мрачную тѣнь на жизнь знатныхъ персовъ. Деспотическая, неограниченная власть царя и его фаворитовъ надъ жизнью и имуществомъ персовъ лишали ихъ всякой увѣренности въ своей безопасности. Персы никогда не могли быть увѣрены въ томъ, что на слѣдующій день не будутъ обвинены въ несуществующихъ преступленіяхъ, а то и просто, безъ суда и слѣдствія, преданы жестокимъ пыткамъ и мучительной смерти. Малѣйшая оплошность въ порученномъ дѣлѣ, мнимое оскорбленіе царя или его фаворитовъ, зависть придворной партіи, находящейся въ милости, даже простое родство съ противной партіей,—все это могло служить

22) Ancienne histoire de l' Orient. Vol. II, pp. 113—114.
23) Ancienne histoire de l' Orient. Vol. II, p. 114 (Ленормана).

поводомъ къ опаламъ, пыткамъ и казнямъ. По капризамъ восточныхъ деспотовъ, дѣйствительный преступникъ легко могъ избѣжать наказанія, а невинный—подвергнуться мщенію, по совершенно ничтожному поводу.

IV.

Замѣчательное подтвержденіе исторической достовѣрности книги Есфирь представила недавно археологія Персіи. Въ 1852 году были произведены раскопки древнихъ валовъ, находившихся на мѣстѣ развалинъ древнихъ Сузъ, и открыты остатки тѣхъ самыхъ дворцовыхъ залъ, которыя были современны Ахасѳеру и Есфири [24]). Въ основаніи одной изъ колоннъ найдена была слѣдующая надпись Артаксеркса Мнемона (406—359). „Предокъ мой Дарій построилъ этотъ „Apadana“ (дворецъ) въ древнее время. Въ царствованіе же моего дѣда Артаксеркса онъ сдѣлался добычею огня. По милости Агурамазды, Анаиты и Митры [25]), я возстановилъ этотъ „Apadana“ [26]). Надпись эта показываетъ, что первоначальный дворецъ, построенный Даріемъ, погибъ въ царствованіе Артаксеркса Лонгимана (464—425). Между тѣмъ въ книгѣ Есфирь дѣлаются указанія на этотъ дворецъ, обнаруживающія полное и точное знакомство съ нимъ автора. Какой же выводъ слѣдуетъ отсюда? Конечно—тотъ, что книга Есфирь была написана однимъ изъ тѣхъ, кто хорошо былъ знакомъ съ дворцомъ и дворцовою жизнью при Ксерксѣ или же одномъ изъ его непосредственныхъ преемниковъ.

Но дѣйствительно ли былъ это тотъ самый дворецъ, о которомъ упоминаетъ авторъ книги Есфирь. Позднѣйшія раскопки

---

24) Фамилія археолога, производившаго раскопки, „Loftus“.

25) Имена главныхъ божествъ Персіи.

26) Условный терминъ для обозначенія пріемныхъ залъ Сузанскаго дворца.

тѣхъ же развалинъ, произведенныя въ 1884—85 гг. французскими археологами, разсѣяли всякія сомнѣнія на этотъ счетъ [27]). Прекрасное знаніе персидской архитектуры дало возможность ученымъ возстановить въ своемъ воображеніи величественную структуру древняго дворца Сузъ, современнаго Есфири. Великолѣпіе дворца было дѣйствительно поразительное: мраморные портики, порфировыя колонны, великолѣпные фризы, роскошныя глазуревыя лѣстницы, фрески на потолкахъ, рисунки на кирпичной кладкѣ, карнизы изъ голубой бирюзы, драгоцѣнныя занавѣсы на дверяхъ, дорогіе ковры на полу,—все это дѣлало изъ дворца Сузъ какое-то волшебное жилище. При раскопкахъ легко было археологамъ, при ихъ прекрасномъ знаніи персидской архитектуры, возстановить первоначальный планъ сузанскаго дворца. Дворецъ состоялъ собственно изъ трехъ частей: публичнаго мѣста для пріемовъ („Apadana"), гарема и собственно царскихъ комнатъ. Между библейскимъ описаніемъ дворца Ахасѳера и планомъ сузанскаго дворца, открытаго въ 1884—85 годахъ есть замѣчательное сходство. Библейскій писатель также различаетъ во дворцѣ три части: пріемную залу („bithan"), „домъ для женщинъ" и „домъ царя" (Есф. I, 5, 8, 9; II, 3, 8, 11, 13, 14, 16; IV, 11; V, 1; VI, 4). Замѣчательно, что даже цвѣты драпировокъ, отдѣльно упоминаемые библейскимъ писателемъ, (=„бѣлыя, бумажныя и яхонтоваго цвѣта шерстяныя ткани" Есф. I, 6) были тѣ же самыя, какъ и въ декораціяхъ фризовъ и лѣстницъ откопаннаго археологами дворца Сузъ. Самая сцена аудіенція царицы Есфири у Ахасѳера—полна глубокой жизненной правды. „На третій день Есфирь одѣлась по-царски и стала во внутреннемъ дворѣ царскаго дома предъ домомъ царя; царь же сидѣлъ тогда на царскомъ

---

27) Эти раскопки произведены были, съ разрѣшенія покойнаго шаха, цѣлою партіею археологовъ, подъ главнымъ руководствомъ французскаго археолога Дэлафуа.

престолѣ своемъ въ царскомъ домѣ, прямо противъ входа въ домъ" (V, 1). По плану открытаго дворца Сузъ въ сосѣдствѣ съ тронною пріемною залою находился „домъ для женщинъ", а непосредственно къ югу— царскія комнаты. Тронъ царя помѣщался въ задней сторонѣ залы, въ центрѣ царскихъ комнатъ, лицевой стороной къ коридору, который велъ „въ домъ для женщинъ". Вполнѣ естественно, что царь, сидѣвшій на тронѣ, могъ уже съ извѣстнаго разстоянія увидѣть приближавшуюся къ нему царицу Есфирь и поднятіемъ скипетра дать ей знать о позволеніи стать передъ нимъ. Былъ еще и другой входъ въ царскія комнаты, чрезъ укрѣпленныя ворота, съ лѣвой стороны, откуда, по изображенію книги Есфирь (VI, 4—6), входилъ къ царю Аманъ, чтобы убѣдить его повѣсить Мардохея. Всѣ эти совпаденія между библейскими описаніями и новѣйшими открытіями предрасполагаютъ къ заключенію, что книга Есфирь была написана въ Сузахъ, не позднѣе царствованія Артаксеркса.

V.

Дальнѣйшій свѣтъ на книгу Есфирь проливаютъ имена дѣйствующихъ лицъ описываемыхъ событій. Имена Мардохей и Есфирь, по своему происхожденію, несомнѣнно вавилонскія. Мардохей— вавилонское Marduca, т. е. посвященный Меродаху; Есфирь—напоминаетъ имя великой вавилонской богини: „Istar", соотвѣтствующей Астартѣ финикіанъ. Изъ этого можно вывести то слѣдствіе, что персидскіе евреи, хотя и весьма крѣпко придерживались своей религіи, однако не чувствовали отвращенія называться именами вавилонскихъ боговъ. Въ торговыхъ плиточкахъ, откопанныхъ въ почвѣ Вавилоніи, дѣйствительно найдены имена евреевъ, образовавшіяся отъ смѣшенія и соединенія именъ истиннаго Бога съ названіями вавилонскихъ божествъ, какъ, напр., Bel-Iahu, Bel-Iahveh и пр. Другое и самое важное слѣдствіе будетъ то, что книга Есфирь была написана ея авторомъ въ весьма ранній пе-

ріодъ времени: совершенно невозможно, чтобы кто-либо изъ палестинскихъ писателей второго вѣка могъ выдумать подобныя имена или даже написать ихъ правильно.

Имена лицъ, окружавшихъ Ахасѳера (Есф. I, 14), всѣ, несомнѣнно, персидскія и обнаруживаютъ въ авторѣ несомнѣнное знаніе вавилонскаго и персидскаго языковъ. Это доказывается многочисленными другими примѣрами. Слово „iggereth", употребляемое въ IX гл. 26 ст., есть ничто иное, какъ ассирійское „egirtu", обозначающее письмо, въ противоположность плиточкамъ, на которыхъ писали вавилоняне. Встрѣчается много словъ персидскаго происхожденія. Кромѣ таинственнаго „purim", этимологія котораго до сихъ поръ есть неразрѣшимая загадка, можно указать на слова: „pathshegen"—списокъ (III, 14; IV, 8; VIII, 13), „akhashteranim"—царскій (VIII, 14), „kether"—корона (I, 11; II, 17; VI, 8), „karpas"—бумажная ткань (I, 6) и пр. Всѣ подобныя слова служатъ несомнѣнными признаками подлинности и достовѣрности событій, разсказываемыхъ въ книгѣ.

Случайный намекъ дѣлается въ первой главѣ на роды застольныхъ кубковъ на праздникѣ Ахасѳера. „Напитки были подаваемы въ золотыхъ сосудахъ и сосудахъ разнообразныхъ, цѣною въ тридцать тысячъ талантовъ" (I, 8). Дѣйствительно, персы славились безконечной изобрѣтательностью въ устройствѣ застольныхъ кубковъ, и это было именно характерною чертою народа и времени. Извѣстно, что, при покореніи Персіи, Александръ Великій нашелъ среди сокровищъ персидскихъ царей необыкновенное множество золотыхъ, серебряныхъ и драгоцѣнныхъ сосудовъ, и самъ составлялъ реестръ различнымъ сортамъ застольныхъ кубковъ.

Самый пиръ, устроенный Есфирью для Ахасѳера, съ цѣлію добиться низверженія всемогущаго временщика (Есф. V, 4—7), вполнѣ согласенъ съ персидскими нравами. Во время пира царь

спросилъ супругу. „Какое желаніе твое царица Есфирь? Оно будетъ удовлетворено. Какая просьба твоя? Хотя бы до полуцарства—она будетъ исполнена“ (VII, 2). Въ данномъ случаѣ Есфирь очень умѣло воспользовалась обычаемъ персовъ, по которому, какъ сообщаетъ Геродотъ, „невозможно было не удовлетворить просящаго, когда устроенъ царскій обѣдъ“ [28]).

Нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ книги о царскихъ указахъ, отправляемыхъ по почтѣ въ сатрапіи персидской монархіи. Такъ во всѣ области Персіи были посланы гонцы, съ приказаніемъ убивать и истреблять іудеевъ (III, 13); эти гонцы отправились *быстро* (III, 15; срав. VIII, 14). Этотъ порядокъ, установленный Даріемъ, былъ въ полномъ дѣйствіи во времена его преемниковъ: никто не могъ, по разсказу Геродота, быстрѣе царскихъ гонцовъ являться на мѣста своего назначенія; обыкновенно по дорогѣ разставлялось столько лошадей и людей, сколько было дней пути, а именно на одно дневное разстояніе по человѣку и лошади. Ни снѣгъ, ни дождь, ни зной, ни ночь не считались препятствіями, чтобы пройти въ извѣстный срокъ необходимое разстояніе. Первый гонецъ, прискакавъ, передавалъ порученіе другому, второй—третьему, и такъ царскій указъ передавался гонцами, подобно тому, какъ это бываетъ у грековъ на праздникъ Гефеста [29]).

Въ книгѣ Есфирь упоминаются царскіе писцы, которые призывались во дворецъ, чтобы написать указы съ распоряженіями Амана (III, 12). То же было и послѣ низверженія Амана, когда мѣсто его занялъ Мордохей (VIII, 9). Это также несомнѣнная черта времени: писцы всегда находились при дворахъ персидскихъ царей, занимаясь разборомъ царскаго архива и составленіемъ указовъ. По свидѣтельству Геродота, писцы весьма часто призы-

---

28) Herod. histor. IX, 111.
29) Histor. Herold. Lib. VIII, cap. 98.

вались царями и даже иногда сопровождали ихъ въ походахъ, записывая наиболѣе замѣчательныя событія [30]).

Каждая подробность въ исторіи Есфири—ясна и опредѣленна, и носитъ на себѣ несомнѣнные признаки персидской цивилизаціи. Ложа, на которыя склонялся Ахасѳеръ и знатные персы во время пира, „были золотыя и серебряныя, на помостѣ, устланномъ камнями зеленаго цвѣта и мраморомъ, и перламутромъ и камнями чернаго цвѣта“ (I, 7). Подобныя именно роскошныя ложи были у царя Ксеркса, во время его похода противъ грековъ. Когда Ксерксъ бѣжалъ изъ Греціи, то онъ оставилъ свою утварь Мардонію, но послѣ платейской битвы вся она сдѣлалась добычею спартанскаго царя Павзанія. Въ палаткѣ Мардонія были найдены „кровати золотыя, серебряныя и прекрасно застланные столы, золотые и серебряные“ и пр. [31]).

Въ описаніи книги Есфирь говорится, что „бѣлыя бумажныя и яхонтоваго цвѣта шерстяныя ткани, прикрѣпленныя висонными и пурпуровыми шнурами, висѣли на серебряныхъ кольцахъ и мраморныхъ столбахъ“ (I, 6). Это совершенно согласно съ дѣйствительностью, потому что бѣлые и фіолетовые цвѣта были царскими цвѣтами Персіи.

Предѣлы монархіи Ахасѳера—отъ Индіи до Еѳіопіи (I, 1; VIII, 9 и др.) обозначены вполнѣ точно. Дарій покорилъ всѣ страны на востокъ отъ Персіи до Индіи, а Ксерксъ окончательно поработилъ Египетъ. Едва ли возможно болѣе выразительно обозначить обширность персидской монархіи, чѣмъ именно чрезъ простое перечисленіе странъ, граничившихъ съ нею на востокѣ и западѣ.

Въ III, 10 написано, что „царь снялъ перстень свой съ руки своей и отдалъ его Аману, сыну Амадаѳа, Вугеянину, чтобы

30) Herod. histor. VIII, 90.
31) Histor. Herod. IX, 82.

онъ скрѣпилъ указъ противъ іудеевъ". У Геродота передается случай, представляющій полнѣйшую параллель разсказу библейской книги. Въ первый годъ царствованія Оритъ, начальникъ города Сардъ, обнаружилъ рѣшительное стремленіе отложиться отъ царя. Дарій Гистаспъ, созвавъ знатнѣйшихъ персовъ, предложилъ имъ привести Орита живымъ или мертвымъ. Когда тридцать знатныхъ персовъ начали спорить о томъ, кому исполнить царскую волю, Дарій приказалъ имъ бросить жребій, который и палъ на нѣкоего Багея. Тогда Багей, написавъ множество писемъ о разныхъ предметахъ, *приложилъ къ нимъ печать Дарія* и отправился съ ними въ Сарды [32]). Какъ въ книгѣ Есфирь, такъ и въ исторіи Геродота печать персидскаго царя имѣетъ одинаковое значеніе и употребленіе. Въ британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ до сихъ поръ сохраняется печать Дарія Гистаспа, имѣющая форму цилиндра.

Коротко сказать, нѣтъ такой черты въ книгѣ Есфирь, историческая достовѣрность которой могла бы быть заподозрѣна. Персидскіе цари оставили прекрасное изображеніе своей жизни и нравовъ въ монументахъ Переспολиса. Но тѣ же самыя картины предлагаетъ и книга Есфирь. Формы описаній различны; случаи—различны, но тождество предметовъ—несомнѣнно. Послѣ этого вполнѣ естественно, почему въ новѣйшее время книга эта признается „превосходной характеристикой", а описанія ея „полными мѣстнаго генія персидской монархіи, поскольку онъ извѣстенъ изъ разсказовъ историковъ и новѣйшихъ изысканій археологовъ".

Д. С. Леонардовъ.

Г. Полоцкъ, Витебской губ.
Апрѣля 2-го 1899 г.

---

32) Histor. Herod. III, 128.

О происхожденіи и значеніи такъ называемаго колива, или заупокойной кутьи.

Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, обыкновенно по селамъ благочестивыми селянами дѣлаются поминовенія своихъ присныхъ усопшихъ, совершается литургія, а затѣмъ на дому панихида и бываетъ трапеза, при чемъ обычно приготовляется „коливо“.

Скажемъ въ виду сего нѣсколько словъ о происхожденіи и значеніи этого колива.

Слово „коливо“ производятъ или отъ греческаго коловіонъ, родъ жертвеннаго пирога, или отъ латинскаго colluvio, смѣшеніе, собраніе (см. Михайловскій: „Словарь православн. церковно-богослужебн. языка). У насъ въ настоящее время подъ именемъ колива разумѣютъ обыкновенно употребляемыя при поминовеніи усопшихъ, особенно при панихидахъ, разваренныя въ водѣ и приправленныя какимъ-либо сладкимъ веществомъ (чаще всего сахаромъ) зерна пшеницы. Они украшаются иногда различными плодами: черносливомъ, изюмомъ, миндалемъ, коринкой; сверхъ того, коливо иногда украшается лавровыми или другими какими либо вѣтками. Кромѣ наименованія „коливо“, описанному варенію усвояется еще названіе „кутья“ (см. Типиконъ гл. 14), или точнѣе „заупокойная кутья“, потому что слово „кутья“, безъ опредѣленія—„заупокойная“, хотя и обозначаетъ у насъ тѣ же вареныя и послащенныя зерна пшеницы или риса, но приготовляемыя не для поминовенія усопшихъ, а въ качествѣ перваго и необходимаго блюда на первый и второй „святый вечеръ“, т. е. въ сочельникъ Рождества Христова и Богоявленія. Но хотя въ настоящее время слово „коливо“ и „кутья“ употребляются у насъ безразлично одно вмѣсто другого, такъ какъ въ сущности обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ, но съ точки зрѣнія церковнаго устава между понятіями, обозначаемыми этими словами,

есть различіе. Зависитъ оно оттого, что вареныя и послащенныя зерна пщеницы могутъ быть благословляемы не только при поминовеніи усопшихъ, но также и въ честь святыхъ, а равно и „за здравіе“. И вотъ, если они благословляются въ честь святыхъ или праздниковъ Господнихъ, или если они приносятся для благословенія „за здравіе“, тогда имъ усвояется названіе колива; если же, напротивъ, приносятся они для поминовенія усопшихъ, тогда называются кутьей. Что дѣйствительно церковный уставъ усвояетъ терминамъ „коливо“ и „кутья“ указанное значеніе, видно, напр., изъ Служебника, въ которомъ есть „Чинъ благословенія *колива, приносимаго* въ церковь, *въ честь и память Господскихъ праздниковъ, или святыхъ Божіихъ*“, и „Чинъ надъ *кутьею* въ память усопшихъ“ (Сравн. Типик. гл. 14). Въ такомъ же смыслѣ употребляетъ эти выраженія и Стоглавъ. Въ 13 главѣ его—„о жертвенникѣ и о кутейникѣ“—сказано: „другой полъ олтаря (т. д. діаконникъ, или сосудохранительница) кутейникъ зовется. и въ него вносится *о здравіи коливо*“... „тако-же и по отшедшихъ душахъ въ немъ малые панихиды поютъ и приносятъ кутью“... Теперь, однако, не въ обычаѣ приносить коливо для благословенія „за здравіе“, а въ честь святыхъ приносится оно лишь на первой недѣлѣ Великаго поста, именно въ пятницу, такъ какъ это прямо требуется уставомъ. Что же касается принесенія кутьи для благословенія въ память усопшихъ, то обычай этотъ неизмѣнно хранится въ православной церкви и поднесь.

Послѣ благословенія, кутья, а равно и коливо употребляются въ снѣдь,—съ воспоминаніемъ святаго или усопшаго,—принесшими и священнослужителями, которымъ обычно удѣляется часть приготовленной кутьи (отсюда и названіе—кутейники).

Обычая употреблять кутью при поминовеніи усопшихъ въ католической церкви нѣтъ, и католики, какъ намъ приходилось слышать издѣваются надъ этимъ установленіемъ православной церкви, считая его остаткомъ язычества.

Постараемся рѣшить вопросы: откуда явился въ православной церкви обычай употреблять коливо и имѣетъ ли онъ за собой авторитетъ древности.

О происхожденіи и древности обычая употреблять заупокойную кутью существовало нѣсколько мнѣній. Авторъ греческаго Синаксаря Нектарій, а послѣ него Никифоръ Каллистъ, полагаютъ начало коливъ въ церкви со времени чуда св. Ѳеодора Тирона. Никифоръ Каллистъ такъ объ этомъ пишетъ: „когда въ царствованіе Юліана-вѣроотступника послѣдовало повелѣніе не выносить на торжище для продажи ни одного плода и ничего съѣстного, что не было-бы предварительно осквернено или кровью идольскихъ жертвъ или служеніемъ языческимъ, дабы такимъ образомъ христіане, не зная сего языческаго оскверненія, по необходимости покупали и употребляли въ пищу идоложертвенное; тогда св. великомученикъ Ѳеодоръ, называемый Тиронъ, явился Евдоксію, епископу Евхаитскому, наяву, а не во снѣ, и увѣщалъ его заповѣдать народу, чтобы никто не покупалъ ничего изъ предложенныхъ на торжищѣ брашенъ и питій, потому что все это по повелѣнію осквернено кровію идольскихъ жертвъ; а для употребленія въ пищу, въ случаѣ нужды и голода, вмѣсто хлѣба и другихъ яствъ, повелѣлъ варить пшеницу и овощи. Сію-то вареную пшеницу, которою питались христіане въ городѣ Евхаитахъ, называли, обыкновенно, коливомъ. Съ теченіемъ времени то же самое коливо, выдуманное похвальнымъ благочестіемъ христіанъ по увѣщанію Ѳеодора въ пищу во время Четыредесятницы, еще благочестивѣе обращено въ память и молитвенное пособіе умершихъ“ (Никиф. Кал. кн. 10, гл. 12); Нов. Скриж. ч. IV, гл. 24, § 11). Уже Симеонъ Солунскій находилъ такое объясненіе происхожденія разсматриваемаго обычая не вполнѣ удовлетворительнымъ. „Нѣкоторые говорятъ, пишетъ онъ, что это приношеніе плодовъ совершаемъ мы въ память чуда добропобѣднаго мученика Ѳеодора. Нѣтъ, не поэтому только, хотя и это дѣло

Божіе и отъ Бога". И далѣе онъ предлагаетъ свое объясненіе, которое служитъ лишь дополненіемъ историческаго объясненія, даннаго Никифоромъ Каллистомъ. Послѣднее, такимъ образомъ, Симеономъ Солунскимъ не отвергается. Между тѣмъ, если внимательнѣе отнестись къ этому объясненію, то можно замѣтить его несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, св. Ѳеодоръ Тиронъ заповѣдалъ христіанамъ вкушать коливо при особыхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, именно— въ виду оскверненія съѣстныхъ припасовъ кровію идольскихъ жертвъ. Въ память объ этомъ чудѣ и въ честь св. Ѳеодора Тирона вошло въ обычай благословлять коливо на первой недѣлѣ Великаго поста. Но никакого отношенія къ поминовенію умершихъ ни самое чудо, ни явившійся подъ вліяніемъ памяти о немъ обычай благословенія колива, очевидно, не имѣютъ; никакой связи между ними указать нельзя. Для того же, чтобы объяснять происхожденіе заупокойной кутьи изъ обычая христіанъ приносить коливо на первой недѣлѣ Великаго поста, необходимо сперва указать на какую либо связь между тѣмъ и другимъ обычаемъ, чего, однако, Никифоръ Каллистъ не дѣлаетъ. Вслѣдствіе этого его утвержденіе является голословнымъ, а объясненіе—ничего не объясняющимъ, и для рѣшенія вопроса: откуда явился обычай приносить коливо „за упокой"—нужно обратиться къ другимъ источникамъ. На это указываютъ, между прочимъ, и слова Вальсамона. Въ толкованіи на 4 правило св. апостоловъ онъ пишетъ: „какимъ образомъ приносится въ жертвенникъ приносимое въ памяти святыхъ и усопшихъ и называемое канунъ или кутья, украшаемое различными плодами, объ этомъ узнаешь изъ слова Аѳанасія Великаго на усопшихъ". Это слово до насъ не дошло, тѣмъ не менѣе изъ словъ Вальсамона видно, что причина нашего обычая предшествовала тому случаю, въ память котораго установленъ обычай приносить коливо на первой недѣлѣ Великаго поста. Слѣдовательно, эти два сходные обычая находятся внѣ генетической связи между собою.

Гораздо естественнѣе видѣть начало заупокойной кутьи въ такъ называемыхъ поминальныхъ агапахъ (agapes funerales), подъ которыми разумѣются вечери любви, братскія трапезы, устраивавшіяся по случаю погребенія или поминовенія усопшихъ. Для такихъ поминальныхъ агапъ, какъ и вообще для вечеръ любви, приносили разные съѣстные припасы, изъ которыхъ часть хлѣба и вина отдѣлялась для Евхаристіи, а остававшееся раздавалось участникамъ трапезы, преимущественно бѣднымъ и клирикамъ. Мѣстомъ, гдѣ совершались поминальныя агапы, служилъ обыкновенно притворъ, почему эта часть храма и до настоящаго времени сохранила за собою названіе трапезы. Сопоставляя теперь требованія устава и обычая, касающіяся заупокойной кутьи, съ обрядомъ совершенія поминальныхъ агапъ, нельзя не прійти къ мысли, что обычай употреблять заупокойную кутью создался на почвѣ обычая устраивать поминальныя агапы. Послѣднія, какъ сказано, совершались въ притворѣ; и нынѣшній церковный уставъ предписываетъ приносить кутью именно въ притворъ, куда для совершенія панихиды и должны исходить священно-служители. Затѣмъ, въ древнихъ поминальныхъ агапахъ хотя и участвовали родные и знаемые усопшаго, но преимущественно онѣ предназначались для клириковъ и нищихъ; точно также и нынѣшняя заупокойная кутья, по требованію обычая, раздѣляется главнымъ образомъ между церковнослужителями и бѣдными. Указанныя черты сходства подтверждаютъ ту мысль, что существующій нынѣ въ православной церкви обычай употреблять заупокойную кутью ведетъ свое начало отъ древне-христіанскихъ поминальныхъ агапъ. А что дѣйствительно въ древней христіанской церкви существовалъ обычай приносить для поминовенія усопшихъ разныя снѣди, видно, напр., изъ словъ блаж. Августина, который говоритъ, что христіане приносятъ хлѣбъ, мясо и вино не для насыщенія душъ, какъ ложно злословятъ манихеи, но для того, „чтобы церковные служители, и сверхъ того нищіе, всѣмъ тѣмъ бывъ удовольство-

ваны, къ принесенію молитвъ за усопшихъ возбудились" (Нов. Скриж. IV, гл. 23, § 3).

Но если древніе употребляли для поминальныхъ агапъ разныя снѣди, то откуда же явился обычай приносить для той же цѣли кутью? По всей вѣроятности, этотъ обычай создался постепенно подъ вліяніемъ слѣдующихъ условій. Извѣстно, что уже въ первомъ вѣкѣ христіанства на вечерахъ любви происходили безпорядки. Обличая за это коринѳскихъ христіанъ, св. ап. Павелъ писалъ: „кійждо свою вечерю предваряетъ въ снѣдѣніе, и овъ убо алчетъ, овъ же упивается. Еда бо домовъ не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите и срамляете неимущыя?" (1 Кор. 11, 21—22). Съ теченіемъ времени безпорядки эти не уменьшились, вслѣдствіе чего устроеніе агапъ въ храмахъ запрещено было сначала на помѣстномъ соборѣ Лаодикійскомъ (пр. 28), а потомъ и на VI Вселенскомъ (пр. 74). Послѣ постановленія Трулльскаго собора поминальныя агапы перешли въ частные дома. Однако, обычай совершать *церковныя* поминовенія непремѣнно надъ пищей былъ такъ силенъ, что и послѣ Трулльскаго собора продолжали приносить къ алтарю пищу для совершенія надъ нею поминовенія усопшаго. Такіе приносы — не для устройства трапезы, а только для совершенія надъ ними церковнаго моленія и потомъ для раздачи клирикамъ и нищимъ. Церковь допустила, очевидно, взамѣнъ прежнихъ поминальныхъ трапезъ, устрояемыхъ въ храмахъ. Сначала эти приносы были весьма разнообразны и состояли, какъ и во времена блаж. Августина, главнымъ образомъ изъ хлѣба, мяса и вина; но когда въ церкви вошло во всеобщій обычай не приносить въ храмъ мясъ и когда мало-по-малу былъ забытъ первоначальный смыслъ приношеній за усопшихъ, эти приношенія приняли опредѣленную форму, на которую указываетъ уже Вальсамонъ, канонистъ XII вѣка. Изъ его словъ видно, что въ XII вѣкѣ, вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ приношеній, существовала только одна форма, на-

поминающая нашу кутью, или коливо. На появленіе такой именно формы не могло также не влiять и воззрѣніе на зерно, какъ на символъ возрожденія, символъ, освященный употребленіемъ св. ап. Павла (1 Кор. 15, 35—38). Дѣйствительно, уже въ сочиненіяхъ Симеона Солунскаго ясно проведена мысль о символическомъ значеніи кутьи. Разсуждая о коливѣ, приносимомъ за усопшихъ, онъ пишетъ: „въ третій день совершаются третины, приносятся Богу сѣмена пшеницы и разные другіе плоды. Что означаютъ эти плоды? То, что и человѣкъ есть сѣмя и какъ бы плодъ отъ земли, и что онъ, какъ пшеница, брошенная въ землю, опять возстанетъ силою Божіею и, какъ бы прозябнувъ, въ будущемъ вѣкѣ предстанетъ Христу совершенный и живой. Ибо какъ предлежащее сѣмя погребается въ землѣ, а потомъ выростаетъ и приноситъ обильный плодъ: такъ и человѣкъ, бывъ; преданъ смертію землѣ, опять воскреснетъ. Объ этомъ и Павелъ говоритъ, когда подъ образомъ сѣмянъ объясняетъ тайну воскресенія... Преимущественно же и чаще другихъ сѣмянъ приносится зерна пшеницы, потому что и Спаситель уподобилъ Свое всесвятое тѣло пшеницѣ: „аще, сказано, зерно пшенично, падъ на земли, не умретъ, то едино прибываетъ“ (Іоан. 12, 24). Отсюда же Онъ взялъ и образъ для ученія о Своемъ возстаніи: „аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ“ (Твор. отц. и учит., относящ. къ изъясн. богослуж., т. II, стр. 537—538). Подобное же, хотя и болѣе обстоятельное объясненіе значенія кутьи дается въ старинныхъ Требникахъ. Такъ въ Львовскомъ Требникѣ (издан. 1668 г. и др.) въ отдѣлѣ подъ заглаіемъ: „указъ о парастасѣ“, сказано: „Парастасъ, слово сіе есть греческое—парастасис, предстатіе или предстательство, сіестъ ходатайство; добрѣ убо и приличнѣ коливо съ молитвою, еже о усопшихъ сице именуется, ибо представивши сіе предъ Господемъ посредѣ священниковъ, ходатайство, сіестъ молбу о усопшемъ творитъ. Коливо убо, или кутія, иже парастасъ именуемъ, юже въ мѣсто усопшаго, въ воспоминаніи его представляемъ, отъ

пшеницы вареной устроена, медомъ же услаждена, и различными сладкими овощами украшена бываетъ. Отъ пшеницы убо, а не отъ иныхъ коихъ сѣменъ, коливо въ усопшихъ памятехъ представлено сего ради бываетъ; пшеница бо знаменуетъ, яко тѣло умершаго человѣка воистину отъ гроба и во второе пришествіе Христово возстанетъ, ибо въ земли всѣянная пшеница умираетъ и потомъ прозябеніемъ востаетъ и плодъ приноситъ: сего же ради и Господь рече: аще зерно пшенично падше на земли не умретъ, то едино пребываетъ, аще ли умретъ, многъ плодъ сотворитъ. Божественный же Павелъ глаголетъ: ты еже сѣеши не оживетъ, аще не умретъ, и еже ты сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится пшеница или инаго отъ прочихъ. Богъ же даетъ ему тѣло якоже хощетъ. Медовная же сладость знаменуетъ, яко души святыхъ нынѣ, не точію самы отчасти наслаждаются божественныя сладости, но по воскресеніи и тѣлесы божественнаго веселія сладости совершенно насладятся. Различныхъ же овощій украшеніе—просвѣщеніе и красоту святыхъ тѣлесъ знаменуетъ; праведницы бо, по истинному Господню реченію, просвѣтятся яко солнце въ царствіи небесномъ“ (Сравн. Нов. Скриж. ч. IV, гл. 23, § 3).

Такимъ образомъ, обычай употреблять при поминовеніи усопшихъ кутью есть явленіе самобытное въ христіанской церкви, а не остатокъ язычества. Почвою, на которой развился этотъ обычай, послужили древне-христіанскія поминальныя агапы. То же нужно сказать и относительно колива, благословляемаго въ честь святыхъ, т. е. и его можно разсматривать какъ остатокъ древняго обычая совершать въ память и честь святыхъ вечери любви. При этомъ на обычай колива могло оказать вліяніе и чудо, совершенное св. Θеодоромъ Тирономъ. Но это вліяніе отразилось, вѣроятнѣе всего, лишь на формѣ приношеній, потому что самыя приношенія существовали гораздо раньше чуда св. Θеодора Тирона.

(„Под. Е. В.“).

Молитва объ усопшемъ владыкѣ—высокопреосвященномъ Исидорѣ, митрополитѣ Новгородскомъ, С.-Петербургскомъ и Финляндскомъ.

1-го октября сего года, какъ извѣстно, исполнилось *сто* лѣтъ со дня рожденія высокопреосвященнаго Исидора, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго. По случаю этого событія въ разныхъ городахъ и весяхъ земли Русской вознесены Господу Богу усердныя молитвы объ упокоеніи со святыми души усопшаго владыки. Особенно тѣ епархіи, въ которыхъ усопшій владыка проходилъ свое архипастырское служеніе, молитвенно поминали его.—Въ гор. Витебскѣ, по распоряженію Его Преосвященства, Преосвященнаго Тихона, 30-го сентября торжественно совершена панихида въ каѳедральномъ соборѣ, на которой присутствовали начальствующіе, учащіе и учащіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Панихиду совершалъ Преосвященный Тихонъ при участіи соборнаго и городского духовенства. Послѣ заупокойной литургіи Его Преосвященство, вышедши изъ алтаря, остановился на солеи и обратился къ собравшимся въ храмѣ съ рѣчью, въ которой изложилъ кратко жизнь приснопамятнаго владыки Исидора, указавши главнымъ образомъ на дѣятельность его въ Полоцкой епархіи. Въ лицѣ высокопреосвященнаго Исидора Его Преосвященство представилъ высокій примѣръ трудолюбія, терпѣнія, смиренія и христіанской любви къ ближнимъ. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушана была рѣчь Владыки и затѣмъ началась панихида. Во время пѣнія „со святыми упокой“ и „вѣчная память“ присутствовавшіе въ храмѣ опустились на колѣна.

Невольно приходитъ на память, что высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ принималъ дѣятельное участіе во многихъ знаменательныхъ церковныхъ и гражданскихъ событіяхъ. Такъ, во время управленія его Полоцкою епархіею (съ 5 іюня 1837 г. по 6 апрѣля 1840 г.), совершилось возсоединеніе уніатовъ съ

православною церковію; онъ первенствовалъ при открытіи мощей святителя Тихона Задонскаго, онъ освятилъ памятникъ тысячелѣтія Россіи, короновалъ Царя-Миротворца Александра III, руководилъ торжествомъ тысячелѣтія кончины св. Меѳодія, онъ же былъ продолжателемъ и завершителемъ великаго религіозно-церковнаго дѣла, начатаго знаменитымъ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ,—перевода Библіи на русскій языкъ. Въ этомъ дѣлѣ почившему владыкѣ принадлежитъ не только руководство трудами другихъ, но и личное дѣятельное участіе.

Особенно выдающеюся чертой характера высокопреосвященнаго Исидора служитъ его истинно христіанская любовь къ ближнимъ, въ силу которой онъ „отеръ и утиралъ слезы сотнямъ, тысячамъ отцовъ, матерей, дѣтей“. Нужда и горе всегда находили въ немъ любвеобильнаго помощника. Онъ свято выполнилъ завѣтъ матери своей, благословившей его при послѣднемъ свиданіи—на пути изъ Орла въ Москву—иконой и сказавшей при этомъ: „помни, что ты самъ былъ сирота, будь же покровителемъ и помощникомъ сиротъ!“

Имя высокопреосвященнаго Исидора неизгладимо начертано на страницахъ исторіи Полоцкой епархіи и она никогда не забудетъ о немъ.

Всеблагій Господи! Упокой со святыми душу благаго и вѣрнаго раба Твоего, митрополита Исидора, въ царствѣ незаходимаго свѣта!

Первое посѣщеніе Его Преосвященствомъ Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣдомства въ г. Витебскѣ.

5-го сего октября, во вторникъ, Преосвященный Епископъ Тихонъ впервые посѣтилъ Полоцкое женское училище духовнаго вѣдомства, въ г. Витебскѣ.

Въ десять часовъ утра дѣти училища во главѣ начальницы и всей училищной корпораціи собрались въ училищномъ храмѣ, въ ожиданіи прибытія высокочтимаго Архипастыря. Церковь приняла праздничный видъ. Она была убрана живою зеленью и цвѣтами; на полу были разостланы лучшіе ковры; горѣли оба паникадила. Въ половинѣ одиннадцатаго часа раздался трезвонъ училищной церкви, и карета остановилась у паперти. У входа во храмъ Владыка былъ встрѣченъ начальницей училища М. В. Самочерновой, благочиннымъ училища О. В. Говорскимъ, смотрителемъ дома А. И. Смирновымъ и другими лицами. По обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей стояли двѣ воспитанницы съ большими зажженными свѣчами. Въ церкви Владыку встрѣтилъ съ крестомъ и св. водою настоятель храма О. В. Васютовичъ и учитель церковнаго пѣнія—діаконъ Петро-Павловской церкви И. П. Чистяковъ. Приложившись ко кресту, окропивъ себя св. водою, Преосвященный преподалъ всѣмъ общее благословеніе. Полный хоръ воспитанницъ пропѣлъ: „Испола—эти деспота“ и тропарь: „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ“. Владыка направился къ алтарю. Начался краткій молебенъ, послѣ котораго было провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому, Св. Синоду и Преосвященному Тихону, Епископу Полоцкому и Витебскому. Самъ же Владыка изволилъ сказать многая лѣта начальствующимъ, воспитывающимъ, учащимъ и учащимся. По окончаніи молебна Преосвященный сказалъ присутствующимъ рѣчь приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

„Душевно радуюсь, что Господь привелъ меня встрѣтиться „съ вами, возлюбленные, въ первый разъ, въ вашемъ училищѣ,— „во храмѣ Божіемъ. Я сразу услышалъ ваше благолѣпное пѣніе, „я здѣсь сейчасъ же понялъ, что подъ руководствомъ вашихъ „воспитателей вы достойно подготовляетесь къ жизни въ духѣ „христіанскомъ. Я знаю, что въ здѣшней училищной жизни этотъ „годъ для васъ исключительно труденъ: по случаю постройки

„вамъ въ усиленно скорый срокъ надо будетъ пройти програму, „обыкновеннаго длиннаго учебнаго года. Потрудитесь это недолгое „время. Съ будущей осени вы уже съ особенною радостію поселитесь въ стѣнахъ новаго училища и тогда уже, Богъ дастъ, „будете учиться при менѣе трудныхъ условіяхъ. Теперь же я „предвижу и надѣюсь, что вы, довольно подготовленныя, достойно „примѣните къ дѣлу по выходѣ изъ училища и гдѣ бы вы ни „были—навыкъ христіанскаго благочестія и пріобрѣтенныя здѣсь „познанія“.

Затѣмъ Архипастырь преподалъ каждому изъ присутствующихъ въ церкви свое отдѣльное благословеніе, а хоръ ученицъ въ это время пѣлъ концертъ: „Высшую небесъ“ и „Слава въ вышнихъ Богу“. Изъ церкви Владыка со славою прослѣдовалъ въ училищный залъ. Послѣ краткаго молитвословія, начальница училища М. В. Самочернова привѣтствовала Владыку краткою, прочувствованною рѣчью, въ которой высказала, что горе и слезы Москвы при разставаніи съ нимъ—служатъ вѣрнымъ залогомъ нашего счастья и радости. Преосвященный Тихонъ, поблагодаривъ начальницу, выразилъ полное и искреннее желаніе посѣщать со временемъ училище чаще, обѣщалъ свою помощь и наставленіе. Вслѣдъ за этимъ, воспитанница старшаго класса А. Цитовичъ обратилась къ Владыкѣ со слѣдующими словами:

„Ваше Преосвященство, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ! „Мы собрались здѣсь для того, чтобы привѣтствовать Васъ, Господомъ даннаго намъ Архипастыря и Отца, и поздравить съ „прибытіемъ на новое уготованное Вамъ мѣсто пастырскаго служенія. Въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ мы усердно просимъ „Бога, да пошлетъ Онъ Вамъ полное здоровье и сохранитъ драгоцѣнную Вашу жизнь для блага Вашей паствы на много, много „лѣтъ. Позвольте, Преосвященнѣйшій Владыка, испросить Ваше „святительское благословеніе на наши занятія и поблагодарить „Васъ за посѣщеніе. Сегодняшній день, торжественный и радост-

„ный для насъ, когда Вы впервые удостоили наше училище сво-
„имъ посѣщеніемъ, навсегда запечатлѣется въ нашихъ сердцахъ.
„Смиренно просимъ Васъ, Милостивый Архипастырь и Отецъ
„нашъ, принять икону, написанную одной изъ здѣшнихъ воспи-
„танницъ, и не забыть насъ, дѣтей, въ святыхъ молитвахъ
„Вашихъ".

Послѣ рѣчи, воспитанница Марія Горанская преподнесла милостивому Архипастырю своего письма икону. Владыка былъ тронутъ подношеніемъ и сказалъ, что образъ сей будетъ у него постоянно на виду, какъ залогъ первой христіанской связи его съ училищемъ, а затѣмъ приложился къ образу. Хоръ пропѣлъ: „Пречистому Твоему Образу поклоняемся Благій". Среднія и младшія воспитанницы поднесли свои рукодѣлія.

Послѣ этого Владыка слушалъ пѣніе воспитанницъ. Соединенный хоръ старшаго и средняго классовъ съ большимъ чувствомъ, умѣньемъ и выдержкой исполнилъ подъ аккомпаниментъ рояли, фисъ-гармоніи и нѣсколько скрипокъ гимнъ: „Коль славенъ". Когда замолкъ послѣдній аккордъ, Владыка сказалъ приблизительно слѣдующее: „Вижу, что вы не пренебрегаете и струн-
„нымъ орудіемъ для прославленія Бога, и поступаете по писанію.
„Желаю вамъ, подъ опытнымъ руководствомъ, не оскудѣвать въ
„любви къ музыкѣ и пѣнію, ибо искусства эти не только полез-
„ны, но и смягчаютъ тягость горестныхъ минутъ жизни".

Младшія дѣвочки пропѣли концертъ Бортнянскаго: „Величитъ душа моя, Господа". Его Преосвященство остался очень доволенъ пѣніемъ и сказалъ дѣтямъ:

„Знаменательны тѣ слова, которыя вы поете, знаменательна
„и встрѣча Пресв. Дѣвы Маріи съ родственницей Ея Елизаве-
„той, при которой слова эти были сказаны, и то чувство, которое
„ее тогда осѣнило. Пусть и въ васъ слова эти возбудятъ такое-
„же чувство любви къ Богу".

По окончаніи пѣнія высокій посѣтитель осмотрѣлъ, выстав-

ленныя въ рукодѣльномъ залѣ, иконописныя работы и планъ здания новаго училища. Объясненія при этомъ давались начальницей училища и архитекторомъ г. Срѣтенскимъ. Побывалъ въ лазаретѣ, кухнѣ, столовой, классахъ и спальняхъ дѣтей, и вездѣ радовалъ дѣвочекъ своими теплыми пастырскими наставленіями. Въ спальняхъ обратилъ вниманіе на то, что у каждой дѣтской кровати у изголовья укрѣплены маленькие образа—благословеніе родителей. Посѣтилъ церковно-приходскую школу и находящійся при ней профессіональный классъ. Разсматривая рукодѣлія дѣвочекъ, Владыка обратилъ особое вниманіе на церковныя облаченія. Одна изъ рукодѣльницъ преподнесла Его Преосвященству расшитое шелками полотенце съ его вензелемъ. Въ школѣ маленькія дѣвочки подъ управленіемъ своей-же подруги Шимаковской пропѣли: „Исполла эти деспота" и стихиру „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра". Сказавъ и здѣсь нѣсколько назидательныхъ словъ, Владыка послѣдовалъ въ квартиру начальницы Маріи Васильевны. Тамъ ему предложенъ былъ завтракъ, состоящій изъ блюдъ, приготовленныхъ выпускными воспитанницами. При чемъ, молодыя хозяйки, по желанію Владыки, объясняли изъ чего и какъ онѣ готовили кушанья.

Въ половинѣ второго часа пополудни, оставивъ въ сердцахъ служащихъ и дѣтей самое отрадное неизгладимое впечатлѣніе, Владыка покинулъ училище.

Онъ закончилъ свое посѣщеніе внимательнымъ осмотромъ новаго зданія училища, въ сопровожденіи членовъ правленія, архитектора и нѣкоторыхъ членовъ строительной комиссіи. Сказавъ на прощанье еще нѣсколько милостивыхъ словъ присутствующимъ, Преосвященнѣйшій Владыка при звонѣ колоколовъ училищной церкви отбылъ изъ училища.

Сост. *А. Назаревская.*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Паломническое путешествіе воспитанниковъ Самарской семинаріи 11 іюня—9 іюля 1899 г.

Съ разрѣшенія духовно-учебнаго комитета и съ благословенія преосвященнаго епископа Самарскаго Гурія, нынѣшнимъ лѣтомъ двадцатью воспитанниками Самарской семинаріи была предпринята поѣздка съ цѣлію осмотра святынь Поволжья, Москвы, Троице-Сергіевой лавры и Соловецкой обители. Молодые паломники, подъ руководствомъ ректора семинаріи, духовника и одного преподавателя, выѣхали изъ Самары 11-го іюня въ два часа пополудни и утромъ на слѣдующій день, на пути въ Казань, имѣли непродолжительную остановку въ Симбирскѣ, гдѣ посѣтили каѳедральный соборъ и памятникъ Карамзину. Затѣмъ, 13 и 14 іюня пробыли въ Казани, посвятивъ все время осмотру достопримѣчательностей города. Въ первый день остановки, утромъ, паломники слушали позднюю литургію въ каѳедральномъ соборѣ; вечеромъ того же дня присутствовали на диспутѣ въ актовомъ залѣ Казанской духовной академіи; на слѣдующій день служили торжественное молебствіе предъ иконой Богоматери въ Казанскомъ монастырѣ и послѣ обѣда были на дачѣ высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, при чемъ получили отъ владыки денежную субсидію на дорогу и благословеніе иконами. Его высокопреосвященство изволилъ выразить сочувствіе путешественникамъ и, благословляя ихъ въ дальнѣйшій путь, желалъ, чтобы святой обычай паломничества нашелъ себѣ какъ можно больше подражателей среди учащихся духовныхъ юношей. Помѣщеніе во время остановки въ Казани и содержаніе было предоставлено паломникамъ ректоромъ академіи преосвященнымъ Антоніемъ и начальникомъ миссіонерскихъ курсовъ архимандритомъ Палладіемъ. Черезъ день, во время остановки въ Нижнемъ-Новгородѣ, самарскими воспитанниками были посѣщены древніе

соборы и Печерскій монастырь, въ Костромѣ—Ипатьевскій монастырь и каѳедральный соборъ (къ несчастію, въ Ипатьевскомъ монастырѣ монахъ, по случаю ренняго часа утра, отказался пропустить ихъ въ храмъ для поклоненія святынь); въ Ярославлѣ—Спасскій монастырь и почти всѣ древнія церкви. Изъ Ярославля путь лежалъ чрезъ Вологду, по ярославско-архангельской желѣзной дорогѣ. Благодаря въ высшей степени предупредительному участію ректора Вологодской семинаріи, паломники имѣли возможность въ Вологдѣ осмотрѣть церковный музей, всѣ старинные соборы и храмы и даже быть на соборной колокольнѣ, откуда открывается видъ на Кубенское озеро. Послѣ суточнаго пути чрезъ лѣса и болота по вологодско-архангельской желѣзной дорогѣ паломники прибыли въ Архангельскъ и, съ разрѣшенія преосвященнаго Іоанникія, епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, ночевали въ семинарскихъ зданіяхъ. Утромъ слѣдующаго дня, 21 іюня, выѣхали изъ Архангельска на пароходѣ Соловецкаго монастыря „Михаилъ Архангелъ“ и весь тотъ день и ночь были подвержены сильной качкѣ со всѣми непріятными послѣдствіями морской болѣзни. На пароходѣ осталось всего не болѣе пяти человѣкъ, которые не были подвержены заболѣванію. 22-го іюня рано утромъ пріѣхали въ Соловецкій монастырь. За исключеніемъ пяти человѣкъ, совершенно больныхъ, всѣ остальные въ этотъ день присутствовали на поздней литургіи и осматривали ближайшія окрестности монастыря. Ко времени вечерняго богослуженія, впрочемъ, и они успѣли оправиться; и всенощное бдѣніе подъ праздникъ Владимирской Божіей Матери, а равно и литургію на слѣдующій день, служили общими силами—вечеромъ всенощную въ церкви Благовѣщенія, что надъ святыми вратами, а утромъ—обѣдню—въ соборѣ чудотворцевъ. Послѣ литургіи подробно осматривали монастырскую ризницу и ѣздили на монастырскихъ лошадяхъ въ скитъ преподобнаго Савватія и на такъ называемую Сѣкирную гору, находящуюся на возвышеніи до пяти-

сотъ ступеней; здѣсь познакомились съ устройствомъ морского маяка, который помѣщается на самой верхней части колокольни. Возвратившись послѣ обзора дальнихъ окрестностей монастыря (находящихся на разстояніи верстъ 15 отъ обители), посѣтили часовню, гдѣ была отслужена послѣдняя панихида патріархомъ Никономъ при отъѣздѣ въ Москву, съ мощами святителя Филиппа. Затѣмъ въ тотъ же день снова надъ Святыми вратами пѣли всенощную по монастырскому уставу и кончили ее гораздо позднѣе, чѣмъ братія монастыря. Послѣ всенощной всѣ участвовавшіе въ путешествіи исповѣдались у монастырскаго духовника и слушали вечернее правило. Исповѣдь продолжалась до двухъ часовъ ночи (если можно назвать ночью тотъ полусвѣтъ, который бываетъ въ эту пору на сѣверѣ). Утромъ 24 іюня пріобщались святыхъ таинъ въ той же церкви и присутствовали на поздней литургіи, при чемъ участвовавшимъ въ путешествіи преподавателемъ, съ разрѣшенія настоятеля монастыря, было произнесено слово „О значеніи Соловецкой обители для русскаго народа". Послѣ поздней литургіи и молебна при гробѣ святыхъ угодниковъ, въ присутствіи настоятеля, всѣ были сняты фотографомъ, воспитанникомъ семинаріи г. Соловьевымъ, въ башнѣ, гдѣ хранятся остатки орудій, употреблявшихся при Соловецкой осадѣ и затѣмъ получили въ комнатахъ настоятеля благословеніе—иконы святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ. Отецъ настоятель монастыря, благословляя насъ въ путь, выразилъ желаніе паломникамъ успѣха въ служеніи церкви Божіей. Въ тотъ же день паломники выѣхали изъ монастыря на мурманскомъ пароходѣ, съ пѣніемъ величанія святымъ чудотворцамъ и канона великой субботы „Волною морскою". Въ двѣнадцать часовъ слѣдующаго дня благополучно прибыли въ Архангельскъ и въ Крестовой церкви преосвященнаго Іоанникія служили благодарственный Богу молебенъ за благополучное плаваніе. Изъ достопримѣчательностей Архангельска осмотрѣли каѳедральный соборъ, домикъ Петра Ве-

ликаго и городской музей. Владыка Іоанникій подарилъ паломникамъ на память по евангелію, самыми сердечными благожеланіями сопровождая ихъ въ дальній путь жизни. Въ городѣ пробыли до утра 25 іюня, когда выѣхали по направленію къ Москвѣ, на этотъ разъ уже не дѣлая ни одной остановки до самой Троицкой лавры. Въ лавру пріѣхали 28 іюня. По ходатайству ректора, помѣщеніе имъ здѣсь было предоставлено въ академическихъ зданіяхъ. Остановка въ лаврѣ предполагалась непродолжительная, всего на однѣ сутки, но и въ это короткое время паломники успѣли выслушать обычный кругъ дневныхъ богослуженій при гробѣ преподобнаго Сергія и посѣтили Виѳанію и Геѳсиманскій скитъ. Въ пять часовъ вечера, при представленіи его преосвященству, ректору академіи, епископу Арсенію, гостепріимный владыка обратился къ прибывшимъ съ прочувствованнымъ, сильнымъ словомъ, въ коемъ выразилъ полное одобреніе подобнымъ предпріятіямъ, заключивъ свою рѣчь приблизительно такими словами: „Мнѣ очень отрадно видѣть въ стѣнахъ нашей академіи молодыхъ паломниковъ. Выражаю искреннее желаніе, чтобы вашъ примѣръ заразительно подѣйствовалъ и на другія семинаріи. Пока я здѣсь, будьте увѣрены, что и во все послѣдующее время пріѣздъ паломниковъ доставитъ мнѣ удовольствіе, а не хлопоты. Желаю успѣха въ вашемъ дѣлѣ и призываю на васъ благословеніе Божіе“. 29 іюня утромъ, по пріѣздѣ въ Москву, паломники посѣтили Иверскую часовню, храмъ Спасителя, гдѣ приняли благословеніе владыки-митрополита, Успенскій соборъ и слушали всенощную въ церкви Двѣнадцати апостоловъ. На другой день, послѣ молитвы въ Иверской часовнѣ посѣщали историческій музей, на третій—третьяковскую галлерею и дворцы. 2 іюля, съ вечернимъ поѣздомъ Нижегородской желѣзной дороги, направились изъ Москвы обратно и 6 іюля въ двѣнадцать часовъ дня возвратились въ Самару, совершивъ, такимъ образомъ, путь въ *четыре тысячи девятьсотъ шесть верстъ.*

Это—первое путешествіе воспитанниковъ духовной школы. Насколько помнимъ, ученики семинарій доселѣ не предпринимали еще ни одной поѣздки не только съ паломническими, но и съ общеобразовательными цѣлями. Будемъ желать, чтобы добрый обычай нашелъ себѣ возможно больше послѣдователей.

(„Воскр. День").

Медъ и здоровье.

Не такъ давно одинъ знаменитый медикъ выразилъ слѣдующія заключенія свои о неоцѣненныхъ качествахъ меда для здоровья человѣка.

Во многихъ домахъ и семействахъ употребленіе меда, къ сожалѣнію, весьма ограничено, между тѣмъ необходимо, чтобы онъ получилъ преобладаніе передъ несправедливо задерживающимъ его распространеніе сахаромъ.

Сахаръ неудобоваримъ и употребляемый въ чистомъ его видѣ положительно вреденъ. Отъ употребленія сахара происходитъ отрыжка, скопленіе вѣтровъ, желудочныя кислоты, головныя боли (несвареніе желудка). Точно также всѣ пирожныя, приготовленныя съ большимъ количествомъ сахара, при большомъ потребленіи, портятъ желудокъ какъ дѣтскій, такъ и взрослыхъ.—Страдающіе желудкомъ, въ особенности, не могутъ переносить и малаго количества сахара. То небольшое его количество, которое соляная кислота, находящаяся въ здоровомъ желудкѣ, можетъ переварить и усвоить ее организму, подобно составнымъ частямъ меда, идетъ на пользу, остальное же на нѣсколько дней разстраиваетъ пищеварительный каналъ.

Желудокъ дѣтей, не имѣя соляной кислоты, и желудокъ больныхъ, съ малымъ ея количествомъ, не выносятъ сахара.

Совсѣмъ другое можно сказать о медѣ. Сахаръ въ немъ находящійся не требуетъ отъ желудка превращенія, и потому медъ,

употребленный даже въ большомъ количествѣ, непосредственно и быстро переваривается даже дѣтьми и больными и это дѣлаетъ его весьма важнымъ и необходимымъ предметомъ питанія. Для дѣтей, питаемыхъ коровьимъ молокомъ, необходимо дѣлать его болѣе сладкимъ прибавкою меда. Для освѣженія и укрѣпленія больныхъ, необходимо въ питье ихъ прибавлять медъ (медовая вода съ молокомъ, съ коньякомъ, съ лимоннымъ сокомъ, съ яичнымъ желткомъ и проч.).

Вскорѣ увидятъ и убѣдятся, какъ легко, противъ сахара медъ получитъ преобладаніе *) и какъ, въ особенности, дѣти выиграютъ и будутъ охранены отъ желудочныхъ катарровъ и холеринъ.—Съ другой стороны, говорилось и было доказываемо вполнѣ свѣдущими людьми, насколько постоянное потребленіе меда, особенно съ хлѣбомъ, способствуетъ хорошему здоровью, укрѣпленію тѣла, его жизнедѣятельности, развитію аппетита и пищеваренію. Поэтому, медъ имѣетъ, такъ сказать, возстановляющія качества, особенно собранный съ клевера и липы. Само собой разумѣется, что такихъ прекрасныхъ послѣдствій можно ожидать только отъ чистаго природнаго меда, при правильномъ и постоянномъ его употребленіи. („Яр. Е. В.“).

---

*) Въ вервой половинѣ текущаго столѣтія въ С. Америкѣ медъ продавали въ качествѣ медикаментовъ, только въ аптекахъ. Теперь тамъ болѣе 300000 пчеловодовъ, сбывающихъ свой медъ потребителямъ. Въ этой странѣ 25—30 лѣтъ тому назадъ, до развитія въ ней пчеловодства, потребовалось, на одного человѣка не болѣе одного фунта меда, теперь же выходитъ его до 40—50 фунтовъ въ годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ, Инспекторъ семинаріи *В. Демидовскій*.

Печатать разрѣшается. 14 октября 1899 года.
Цензоръ, Ректоръ Витебской дух. семинаріи,
архимандритъ *Константинъ*.

Печатано въ Витебской Губернской Типо-Литографіи.